

А.М. Кротов

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

БЕЛОРУСЫ О ПОЛЬСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ: ОЦЕНКИ НА ФОНЕ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОГО КОНФЛИКТА 1920-х гг.

В статье рассматривается эволюция представлений белорусов о польском национальном характере, явившаяся результатом польско-советской войны 1919–1920 гг. и включения Западной Беларуси в состав Польши. Автор приходит к заключению, что в ситуации белорусско-польского конфликта белорусы видели только худшие качества этого характера и возводили их в абсолют.

Польско-советская война 1919–1920 гг. и первые послевоенные годы показали, что на присоединённых в результате Рижского мира к Польше белорусских землях поляки чувствуют себя настоящими хозяевами. Стало очевидно, что ни с какими интересами, кроме своих собственных, считаться здесь они не намерены. Однако не менее очевидным стало и то, что белорусское население «возвращённых в лоно цивилизации польской» «восточных кресов», как называли поляки, с подачи Винцента Поля, земли Беларуси, Украины и Литвы, некогда входившие в состав Речи Посполитой, особой радости по поводу произошедших в его жизни перемен не переживало. Жизнь его была далеко не спокойной. Польские власти и польская общественность на кресах рьяно взялись за дело искоренения того, что на их взгляд являлось враждебным по отношению к польскому государству, польскому народу и польскости вообще. Яркий антикоммунизм в сочетании с традиционной уже для поляков русофобией стали фундаментом польской политики на кресах и основой взаимоотношений с белорусами, которые буквально воплощали собой результат деструктивных для польскости русификаторских влияний. На острие репрессивной политики польских властей оказалось, прежде всего, белорусское национальное движение. Параллельно поляками велась активная пропагандистская работа по привлечению к польскости не только тех, кто был к ней изначально равнодушен, но и тех, кто не имел стойких убеждения насчёт собственной этнокультурной идентификации. К тому же сложилась ситуация, весьма способствующая этому процессу. В ходе вооружённой борьбы с большевизмом и достигнутых в ней несомненных успехов у поляков, помимо априорных, появились также и фактические причины собою гордиться. Вообще присутствие польского этнического элемента на кресах воспринималось как присутствие естественное. Другое дело, что в новых исторических условиях это было уже не привычное присутствие в качестве одного из составных элементов этнической картины региона, а основанное на национальном происхождении доминирование, носившее сугубо эгоистический характер. Перед белорусами поляки предстали в совершенно новом качестве, обнажившем прежде сокрытые черты их национального характера. Вынужденные принять новую реальность, белорусы в лице немногочисленных представителей своей элиты не могли относиться к произошедшим в поведении поляков переменам равнодушно, как сторонние наблюдатели. Начинается процесс осмысления данных перемен и поиск их причин. И довольно быстро в белорусской периодической печати и публицистике стали появляться заключения, что такой стиль поведения свойственен полякам вообще, что он соответствует польским историческим традициям и польскому национальному характеру. Начались интенсивные поиски аргументов, обосновывающих данные заключения, которые привели, в конечном счёте, к результатам, получение которых в любых иных условиях было бы невозможным. Теперь же самым ходом жизни, фактическим состоянием белорусско-польских отношений были сняты запреты на такие 126 темы по истории Польши и польской культуре, которые раньше не принято было затрагивать, дабы не оскорбить национальные чувства поляков. Вдохновение белорусских образотворцев не ограничивали уже никакие сдерживающие рамки, зато обильно питали эмоции, вызванные состоянием конфликта, инициированного поляками и

чувством глубокого разочарования в них. Именно в данный исторический период белорусский стереотип поляка обогатился новыми, очень яркими деталями [1], а представления белорусов о национальном характере поляков приобрели окончательный вариант. Хотя сегодня не существует факторов, которые способствовали бы реинкарнации данных представлений, сказать, что они изжиты или исчезли сами собой, оснований нет. Этот продукт исторического и национального опыта белорусов прочно укоренился на обыденном уровне их массового сознания и ныне находится там в дезактивированном состоянии. Однако можно не сомневаться, что в случае политической необходимости он будет активирован и востребован в идеологических и пропагандистских целях. Потому научное изучение указанных представлений является не теряющей своей актуальности задачей, своеобразной проверкой «боевой эффективности» того, что находится на хранении в белорусском идеологическом арсенале. Итак, победа над большевистской Россией показала, что поляки, как прежде их деды, выполняли на востоке Европы великую миссию – защищали европейскую цивилизацию от азиатского варварства (в историческом контексте 20-х годов 20 в. – от большевистской России). И, прежде всего, показала это самим полякам. В Европе, которую они защищали, бытовало несколько иное мнение о роли, которую Польша и поляки выполняли в польско-советском конфликте, но, похоже, последних оно абсолютно не интересовало по причине несовпадения с собственным. Не удивительно, что в этот исторический момент, когда они переживали эйфорию по поводу возрождения собственного государства и его военных побед, в польском общественном сознании и официальной пропаганде актуализировались давно уже ставшие национальными мифы о польском народе – защитнике европейской цивилизации, о Польше – «бастионе католицизма» на востоке Европы, а также связанный с ягелонской идеей миф о «Восточной Польше» (или миф о восточных креслах). Миф о восточных креслах являлся одним из краеугольных камней польской мифоистории и суть его, как формулирует российский писатель А. Тюрин, «заключается в констатации того, что существует обширный восточно-европейский ареал (kresy), являющийся исторической областью польского владычества, влияния и патронажа» [2]. Изначально эта территория якобы представляла собой «дикое поле» и единственным населением её до появления здесь поляков и литовцев были кочевые татарские орды. Всякие иные факты, противоречащие данному утверждению, мифом игнорировались. Любое московско-русское посигновение на эти земли считалось агрессией, преступлением, «разделом Польши» [2]. В ходе войны с большевистской Россией, стремившейся перекинуть пожар революции на Западную Европу, данный миф был осовременен за счёт её событий, весьма эмоционально, в победной эйфории переживаемых; дополнился новыми деталями и констатациями. Более того, в ходе этой войны выкристаллизовался и новый миф – о «чуде на Висле» – варшавском сражении, которое разыгралось 13–25 августа 1920 г., став переломным моментом войны. Таким образом, польской пропаганде не приходилось «поднимать целину» на идеологическом фронте. Она эксплуатировала старые польские национальные мифы, глубоко укоренённые в массовом сознании поляков, в психике каждого из них. Так, например, К. Бродзинский в 1917 г., т. е. ещё в канун возрождения Польши «из пепла» и польско-советской войны, в которой Польше опять пришлось выполнять свою «историческую» роль, писал: «Спокойная Европа едва слышала, какие моря варваров бились... о груди поляков. Не было раньше времени восславлять их деяния, позже – не было возможности» [3, с. 20]. Когда пришёл час испытаний, прилагать особых усилий для того, чтобы возбудить в поляках патриотические чувства не пришлось. Русских это не должно было удивить. Ещё в 1863 г. известный русский публицист, издатель и литературный критик М.Н. Катков писал по этому поводу: «Утратив политическую самостоятельность, поляк не отказался от своей народности, и он рвётся из своего плена и не хочет мириться ни с какой будущностью, если она не обещает ему восстановления старой Польши со всеми её притязаниями... Но как бы то ни было, разумны или неразумны польские притязания, они понятны и естественны в поляке. Осуждайте и оспаривайте их,... но согласитесь, что даже в крайностях, даже в безумии своем польский патриотизм всё-таки есть дело естественное в поляке... (Поляку – А.К.) нечего прибегать к разным теориям, ему нечего

толковать о правах народностей и о разных других истинах: ему достаточно назваться поляком, чтобы всякий мог понять, чего он хочет или чего бы должен хотеть...» [4]. В дополнение к написанному Катковым следует сказать, что уникальный польский патриотизм и основоположник польского романтизма А. Мицкевич называл «нездоровым, болезненным, бешеным» [5, с. 191–192]. Вряд ли есть основания не доверять этому глубокому и тонкому знатоку польского национального характера и польской души. Известно, что восстановление польского государства было результатом, прежде всего, необычайного, счастливого для поляков стечения обстоятельств, когда великим державам в складывающихся в Восточной Европе новых исторических реалиях это восстановление показалось выгодным и целесообразным. Другое дело, что поляки оказались к этому морально готовы. И предоставленный им шанс они использовали с лихвой – захват Виленщины в 1920 г. в результате авантюры Пилсудского – Желиговского никак не входил в планы западных держав, поощрявших агрессию Польши только в белорусском и украинском направлениях. Полякам, ещё недавно являвшимся гражданами трёх империй и даже воевавшим друг с другом в составе армий противоборствующих в мировой войне сторон, очень быстро удалось консолидироваться в общенациональном масштабе, создать на базе легионов Пилсудского эффективную армию, которая, действуя в патриотическом порыве, не только смогла защитить страну и, надо признать – Европу от большевистской России, но и решить задачу возвращения Польше «её кресов». Складывающаяся историческая реальность не только как нельзя лучше содействовала упрочению мифа о Польше – сторожевой крепости Запада, но и питала «живой водой» новый миф – о воскресении польского государства в итоге безрассудного, в романтическом духе «подвига» легионов, которые, как писал А. Василевский, «на самом деле были маленькой кучкой людей, не оказавших никакого влияния на ход войны, и только прибравших к своим рукам то, что было результатом чудесного стечения обстоятельств» [6, с. 92–93]. Появление поляков на западнобелорусских землях в качестве господствующего национального элемента происходило в условиях овладевшей ими национальной эйфории. В этом состоянии поляки оказались и слепы, и глухи в отношении своих новых сограждан – белорусов. Как быстро выяснилось, последние сильно изменились с тех пор, как стали прототипами героев повестей Э. Ожешко, чьи образы были нарисованы писательницей с исключительной теплотой и сочувствием [7, с. 9–10]. У белорусов зародилось собственное национальное движение, лидеры которого, между прочим, ставили задачу создания независимого белорусского государства и даже начали его строить. Изменились белорусы – изменилось и отношение к ним со стороны нации, занимавшей господствующее положение на креслах. Не секрет, что белорусы всегда воспринимались поляками свысока, с некоторой снисходительностью, даже тогда когда они сами нуждались в оной. Теперь же, когда поляки стали хозяевами положения на креслах, они стали смотреть на белорусов сквозь призму своего главенствующего положения – как на людей не совсем полноценных, нуждающихся в опеке и руководстве. В «отеческом», благожелательном тоне писали о белорусах не только поляки, но и русские. Этот тон внешне был очень удобен, а на деле помогал и тем, и другим сохранять своё господство над ними. Но как только белорусское национально-культурное движение, к 128 зарождению которого были, кстати говоря, причастны и поляки, заявило о том, что белорусы хотят «людзьмі звацца» [8], «отеческий» тон по отношению к подопечным сразу же пропал. Чем закончился пересмотр поляками своего отношения к белорусам известно – национальные чаяния белорусской национальной элиты и проделанная уже ею работа по созданию Белорусской Народной Республики были погребены в протоколах переговоров, завершавших польско-советскую войну. Как выяснилось, патриотизм поляков совершенно естественным образом сосуществовал в них с пренебрежением к другим народам, и к белорусам – в том числе. Еженедельник «Беларускі звон», издававшийся в Вильно Ф. Олехновичем, уже в 1921 г. констатировал: «Поляки... никого и ничего, кроме поляков и польскости, вокруг себя не видят. Евреев они за людей не считают. Литовцев мало – их можно задушить. А белорусы – это выдумка – их никогда не было, и нет» [9, с. 1]. Именно такое мнение сложилось у представителей белорусской интеллигенции к полякам в результате осмысления

последнего опыта взаимоотношений с ними на кресах вообще и на захваченной Желиговским Виленщине – в частности. В белорусской прессе и публицистике «европейничанье» поляков стало высмеиваться «как обезьяньи попытки» подражать Европе. Подобное отношение не было оригинальным. Ещё до революции схожее мнение о поляках выражала реакционная и консервативная российская пресса [10, с. 61]. Совпадение выводов не было случайным – в мантрах о собственной «европейскости» поляки в самом деле утратили чувство меры и этого нельзя было не заметить. Всеми способами представители белорусской национальной элиты пытались довести не только до белорусской, но и до европейской общественности правдивую информацию о той политике, которую проводили на белорусских землях польские власти [11; 12]. Так, например, уже в 1921 г. директор одной из белорусских школ в Гродно Иван Антонов писал: «Тучами всепожирающей саранчи с запада... надвигались на нас хорошо знакомые по прошлому... поляки. Жутко делалось в ожидании непрошенных гостей, ибо каждый из нас понимал, что несут... голод, ...руины, засилье, издевательство и порабощение народу, проснувшегося от многолетнего летаргического сна» [11, с. 9]. Сам приход польских войск в Гродно был описан им весьма образно: «В полдень вошли в Гродно польские войска. Взвился над городом польский штандарт, закрасовались... флаги и польские орлы над домами поляков и немногих полячествующих белорусов и евреев, оставшихся верными своему лозунгу: «Абы хлеб»... В один миг поляки и полячествующие с головы до ног обвешались «польскими орлами», придавшими им определённый задор... Смотрел на них хозяин земли белорус-хлебороб печально, молчал, думал свою невесёлую белорусскую думу, думал, как защищаться от этого петушиного стада, прилетевшего незвано клевать зёрна его вспаханной нивы и его самого» [11, с. 18]. Столь мрачные предчувствия оправдались полностью: «Больше всего досталось от завоевателей-поляков представителям организованных белорусско-литовских учреждений – комитетов, школ, кооперативов, милиции, церквям и т. д. Учреждения обыкновенно закрывались, имущество расхищалось, а деятели-белорусы арестовывались жандармами, – некоторые из арестованных расстреливались, а те, что остались, отсылались в тюрьмы и концентрационные лагеря. Народ секли розгами, стальными шомполами, били чем попало и по чём попало... всех подтасовывали под одну статью тяжких уголовных преступлений – «большевик», на уничтожение которых, как вредных для цивилизации народов Европы бацилл, они имели мандат от Антанты, поставившей волка (Польшу) в овечьи старосты» [11, с. 9]. Параллельно началась борьба белорусов с польской идеологической экспансией и используемыми в её рамках польскими национальными мифами. Главной задачей этой борьбы стало развенчание святых для поляков образов. Задача в те времена не очень сложная, но требующая немалой смелости. Поводов же поляки давали более чем достаточно. 129 Их пропагандистская продукция была пронизана национальным высокомерием, чванством, самолюбованием. Яркий пример – брошюра В. Ржимовского «О любви к Отечеству», насыщенная высокопарными, пафосными штампами: «Земля польская – единая и неделимая. Единство этой земли – единство сердец, которые её любят; братство сердец, в которых она живёт... Единство Польши есть единство чувств, которые живут в груди её обитателей. Выразителем, очагом, и, одновременно, органом этого единства является родной язык: живой, бессмертный польский язык...» [13, с. 10]. Другим примером является брошюра К. Бродзиньского «О национальности поляков» [3], рассчитанная на более развитого и, следовательно, более требовательного к продукции, которую ему предлагают, читателя. В ней автор заявил: «Народ есть врождённая идея, которую его члены, воедино спаянные, стараются осуществить [14, с. 15]. Идея же состояла в том, чтобы «под солнцем религии взрастить древо вольности и братства» [3, с. 16]. Призвание же польского народа Бродзиньский видел в том, чтобы «стоять на страже среди бурь на границе варварского и цивилизованного мира [3, с. 16]. Его возвышенным предназначением – «защищать неблагодарных» [3, с.16], а ещё более возвышенным – «представлять несколько десятков миллионов славян, в слепоте на него нападавших, пока те, рассеянные по северным льдам, медленно созревать будут» [3, с. 16]. «Чудесным его предназначеньем» было «даже в гробу выступать на зов о покушении на свободу народов, быть для них предостережением, как

свидетельство преступления, над ним совершённого». [3, с. 16]. И, уже от имени всего польского народа Бродзинский заявил: «Эти идеи и это предназначение постановил народ исполнить либо навсегда в гроб вернуться» [3, с. 16]. Автор изданной в 1921 г. в Белостоке брошюры «Наша кры́да» от имени «неблагодарных» (выражаясь словами из приведенной выше цитаты) белорусов, привёл сначала слова монаха Лигуринуса (XIII в.), утверждавшего, что «поляки – народ, который с нетерпением несёт закон, имеет готовность к самой пылкой сваре и разбою, очень беспокойный, обманчивый, который не умеет повиноваться своим властителям, не умеет любить и своего ближнего» [14, с. 6–7]. Затем дополнил – уже от себя, что эта характеристика и в XX в. является такой же справедливой, как и в XIII в.: «До этого времени – в наш век – поляк остался таким же обманщиком и задирой, каким он был и раньше. Где бы ни показался поляк со своим болезненным гонимым, там ни мира, ни порядка не будет» [14, с. 6–7]. В этом же, 1921 году, дал свою характеристику полякам и такой известный белорусский общественно-политический деятель, как А.И. Цвикевич: «Предрассудки шляхетской идеи, доведённые до детства и безумия, недисциплинированность, возведённая в принцип чести, – всё это делает поляков фальшивыми аристократами, фальшивыми демократами, фальшивыми католиками, фальшивыми революционерами, также как они были фальшивыми шляхтичами. Они будут верными только иезуитам» [15, с. 148]. И. Антонов, на которого уже приходилось ссылаться выше, в своей критике польского национального характера пошёл дальше других – он осмелился посягнуть на святые для поляков образы из трилогии Г. Сенкевича: «Ни один народ в мире не имеет такой грязной истории несправедливости и хищничества, предательства, своеволия, взаимных свар и самого жёсткого эгоизма, как народ польский. Бессчётные исторические документы свидетельствуют о том, но самое искусное свидетельство дал польский писатель Г. Сенкевич... Читаешь эту трилогию: «Огнём и мечом», «Потоп», «Пан Володыевский» и удивляешься, что это есть: сказка для детей, или самая острая сатира на польский характер, на польские общественные традиции? Но писал он всю эту грязь с большим уважением и великими чувствами, значит, все эти типы нравились ему, удовлетворяли его. Понятно, что писал он от всей глубины польской души, Да и поляки восторгаются типами Сенкевича и воспитывают на них свою молодёжь, а между тем, что ни тип у него, то преступник, злодей, насильник, предатель, обманщик. Знай только все, как перепьются, сразу же за сабли или за ружья и, по Сенкевичу, творят чудеса храбрости, а сплошь – хитрость, обман, неправда, насилие и самая звериная жестокость. Заглобы, Кмитицы, Бутримы и другие – были и есть, и 130 будут польские герои, и только польские, ибо каждый народ сторонился бы таких героев, как заразы, как яда. Вот эти Заглобы, Кмитицы, Бутримы в облике разных поручиков, референтов, чиновников, вахмистров, жандармов с времён оккупации польской обосновались на Виленщине и Гродненщине» [11, с. 40–41]. Итак, свобода, завоёванная поляками в борьбе с теми, кого они справедливо считали своими угнетателями, позволила проявиться далеко не самым лучшим качествам их национального характера. Восстанавливая свои «исторические права» на белорусские земли и свой господствующий статус на них, поляки вызвали огромное разочарование среди белорусов и их неприязнь, в полной мере отразившиеся в белорусской публицистике и прессе 1920-х годов. Источники и литература 1. Кротаў, А.М. Вобраз Польшчы і палякаў у беларускім перыядычным друку 1920–1929 гадоў: аўтарэф. дыс. на атрым. вуч. ступ. канд. гіст. навук / А.М. Кротаў; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. – Мінск, 1997. – 21 с. 2. Тюрин, А. Польская мифоистория, часть I. Миф о созданной Ягеллонами «восточной Польше» – 24.02.2008 / А. Тюрин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/2008/pol_tyurin.html – Дата доступа: 10.04.2014. 3. Brodziński, K. O narodowości polaków / K. Brodziński. – Warszawa: Wydwo M.-Arcta, 1917. – 34 s. 4. Катков, М.Н. Польский вопрос / М.Н. Катков // Русский вестник. – 1863. – Т. 43. – № 1. – С. 471–482 // http://dugward.ru/library/katkov/katkov_polskiy_vopros.html – Дата доступа: 03.02.2012. 5. Janion, M. Polski korowod / M. Janion // Praca zbiorowa. Mity i stereotypy w dziejach Polski. – Warszawa: Interpress, 1991. – S. 185–242. 6. Василевский, А. Восток, Запад и Польша / А. Василевский. – М.: Прогресс, 1989. – 320 с. 7. Молчанова, М.С. Тема Западной Белоруссии в творчестве белорусских и польских прозаиков: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд.

филолог. наук / М.С. Молчанова; Минский институт культуры. – Минск, 1984. – 169 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/tema-zapadnoi-belorussii-v-tvorchestve-belorusskikh-i-polskikhprozaikov> – Дата доступа: 14.04.2014. 8. Купала, Я. А хто там ідзе? (1905–1907 гг.) / Я. Купала [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа: <http://www.belarus-misc.org/zinowjew/Kupala/Cyrillic/hto.html> – Дата доступа: 14.04.2014. 9. Вільня, 17 красавіка 1921 г. // Беларускі зван. – 1921, № 7. – С. 1–2. 10. Горизонтов, Л. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основание для стереотипов и автостереотипов / Л. Горизонтов // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России / Ред.-колл.: М.В. Лескинен, В.А. Хорев. – М.: Индрик, 2004. – С. 62–75. 11. Антонаў, І.Г. Успаміны аб польскай акупацыі Горадзеншчыны ў 1919–1921 гг. / І.Г. Антонаў. – Б.м.: б.в., 1921. – 83 с. 12. Цвікевіч, А. Адраджэнне Беларусі і Польшча / А. Цвікевіч. – Мінск; Вільня; Берлін: Вызваленне, 1921. – 191 с. 13. Rzymowski, W. O miłości Ojczyzny / W. Rzymowski. – Warszawa: Wyd-wo red. „Żołnierza polskiego”, 1920. – 27 s. 14. Лесавік, В. Наша крыўда / В. Лесавік. – Беласток: Беларускае выдавецтва, 1921. – 21 с. 15. Цвікевіч, А. Адраджэнне Беларусі і Польшча / А. Цвікевіч. – Мінск; Вільня; Берлін: Вызваленне, 1921. – 191 с. Belarusians about the polish national character: assessments on the background of the Belarusian-Polish conflict of 1920s years Abstract. In article evolution of concepts of Belarusians about the Polish national character, that were a result of the Polish-Soviet war 1919-1920 and inclusion of the Western Belarus in the structure of Poland is considered. The author comes to conclusion, that in a situation of the Belarusian-Polish conflict Belarusians saw only the worst qualities of this character and absolutized them.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ